

Рассказ удмуртского автора А. Денисова «Мынам пленясь пегъеме» («Как я бежал из плена») как феномен литературного опыта

Книга Алексея Денисова «Мынам пленясь пегъеме» («Как я бежал из плена»), изданная в 1919 году в Казани «Вотским культурно-просветительным подотделом», была введена в научный оборот удмуртским литературоведом А. Шкляевым. Ученый обнаружил ее в 1995 году в Хельсинки, в библиотеке Финно-угорского общества. В своей монографии «Вапумысь вапуме» («Из века в век») он отмечает, что эта книга, до сих пор не известная ни одному специалисту, представляет собой достаточно самобытное явление (Шкляев 2000, 12).

Таким образом, объектом нашего анализа является специфика удмуртского дискурса, который был создан на начальном этапе развития национальной словесности, характеризующемся размытостью жанровых границ, слабой выраженностью индивидуально-авторского сознания, отсутствием вымысла.

В рассказе А. Денисова «Мынам пленясь пегъеме», имеющем автобиографический характер, повествующий субъект рассказывает о своем пребывании в плену, о побеге и трудном возвращении на родину в годы первой мировой войны. Обращают на себя внимание нюансы, касающиеся заглавия произведения. В подстрочном переводе оно звучит как «Мой побег из плена»; помещенное же на обложке книги русскоязычное название «Как я бежал из плена», по-видимому, призвано акцентировать внимание читателя на перипетиях опасного пути-побега, совершенного героем.

Характерно, что описание начала первой мировой войны, обстоятельств пленения героя-рассказчика и его нахождения в лагере занимает минимум текста. Еще более лаконично финальное сообщение рассказчика о том, что он вместе с товарищами наконец достиг России, оказался в Петрограде, затем отправился к себе домой: «Собере апрельлэн 12-тй нуналаз милемыз доре лэзизы, со толэзьлэн 17-тй нуналаз мон дорам вуи» («Потом 12-го апреля нас отпустили домой, и 17 числа я был дома») (Денисов 2008, 14).

Большая часть рассказа посвящена описанию замысла побега, его подготовки и непосредственно самого побега, что явно осмысливается героем-рассказчиком как нечто уникальное, неординарное и потому стоящее внимания читателей. Остроты повествованию придает опасность предпринятого бегства, переживаемый беглецами страх преследования. Не случайно бывшие узники испытывают облегчение только после того, как оказались в Норвегии (городе Бергене), хотя до этого уже пересекли две страны – Голландию и Англию: «Татчы васькем бере мылкыд каньыл луыса кошкиз, немеыч татысен уз шедьты ини шуыса» («Когда высадились здесь, настроение улучшилось: немец здесь уже не достанет») (Денисов 2008, 14). В связи с этим эпизодом уместно обратиться к поэтике рассказов русского писателя Андрея Платонова. Анализируя его рассказ «Возвращение», Н. А. Бабкина пишет: «Платоновское возвращение – это не результат, а процесс, результат которого постоянно ретардируется и вообще представляется труднодостижимым» (Бабкина 2008, 236). В какой-то мере это закономерно и для рассказа А. Денисова, в котором побег героев тоже описан в замедленном плане, зато в финале, по мере приближения солдат, освободившихся из плена, к дому, происходит стремительное ускорение времени.

Удмуртский литературовед А. Шкляев с сожалением констатирует, что повествующий субъект о многих вещах, которые могли бы быть ценнейшим материалом для читателя, например, о нюансах своего возвращения на малую родину, говорит скороговоркой: «Вордскем интыяз кызы вуэмзэ со чаляк-чаляк гинэ вера, лыдзисьлы ваньзэ кутскыса рад-рад но лад-лад верамез тунсыко луоно вылэм ке но» («О том, как добрался до родных мест, он говорит вскользь (букв. быстро-быстро), хотя читателю было бы интересно, если бы обо всем рассказал по порядку и обстоятельно») (Шкляев 2000, 13). Взгляд рассказчика действительно не фиксирует практически никаких деталей и подробностей увиденных им лиц, городов, стран и т.д. К примеру, о Лондоне, через который лежит путь домой, он пишет: «Лондон – со быдэс дуннеын туж бадзым город» («Лондон – один самых больших городов мира») (Денисов 2008, 14). О чем говорит это многословие? Скорее всего о том, что у автора явно отсутствует литературный опыт. Об этом же свидетельствует и полное отсутствие в тексте изобразительно-выразительных средств. «Зор кадь ик пуля лыктэ ми шоры» («как дождь пули летят букв. идут на нас») – это, пожалуй, единственный случай применения образного сравнения.

Рассказчик полностью сосредоточен на событийной основе текста, поэтому для него, в первую очередь, важна точность передачи фактов. Отсюда обилие в рассказе цифр, географических названий, строго-хронологическая последовательность изложенных событий. Картины природы, описания ландшафта присутствуют в рассказе ровно в той степени, в какой имеют отношение к предпринятому героями побегу: «Та кам пичи өвёл, вуэз мур, пароходъёс ветло. <...> Та улон интыямы тол туж вакчи луэ, лымы ожыт гинэ усе, усе ке но, куазь зорыса, шунтыса быдтэ. Куазь шуньтэн шуръёс но туж шер аръёсын гинэ кынмо вылэм» («Эта река не

маленькая, глубокая, пароходы ходят. <...> В том месте, где мы живем, зима бывает очень короткой, снега выпадает мало, даже если выпадает, то под дождем сразу тает») (Денисов 2008, 8). Из описания следует, что беглецам нужно подгадать свой побег к тому времени, когда по льду можно будет перебраться на противоположный берег реки. Звезды привлекают взгляд рассказчика постольку, поскольку они являются ориентиром для передвижения ночью: «Кизилиос умой тодмо азьло ой вал. Отын улон сямен утыр кизилиос потыны шётазы. <...> Собере ми весь Уйшор кизилиез учкыса мынймы» («Вначале не было видно звезд. Пока были там (в лесочке – С.А.), звезды начали выходить. <...> Потом мы все время шли, ориентируясь на Северную звезду») (Денисов 2008, 11–12).

Эмоции, чувства, переживания попавшего в плен и осуществившего бегство из неволи (лагеря) человека, который столкнулся с опасностями, рисковал быть пойманным, также переданы в рассказе сверхэкономно. Лишь изредка вырываются скупые признания героя-рассказчика в тоске по родине, когда становится очевидным, что его терпение на исходе: «Кудке, кудке дыръя, пегэонэз малпаськод ке, доре вуэм кадь ик потоно вал» («Время от времени, когда думаешь о побеге, как будто дома оказываешься») (Денисов 2008, 9); «Сюлэм уг чида ни, пёзыны кутскиз, кытчы пырыны инты уг шедьтйськы, кошкем потыса» («Сердце уже не выдерживает, начало кипеть, места себе не могу найти, так хочется уйти») (Денисов 2008, 10).

Отмеченные выше особенности повествования свидетельствуют о том, что перед нами произведение, отражающее черты начального этапа развития удмуртской литературы. Д. С. Лихачев, анализируя поэтику древнерусских текстов, отмечает: «Древняя русская литература чаще рассказывает, чем описывает. Она чаще изображает события, чем состояния. Она не отвлекает явления от их отношения к главной цели повествования, не интересуется явлениями самими по себе, независимо от их отношения к человеку. Она антропоцентрична. Поэтому древняя русская литература знает очень мало описаний того, что находится в статическом состоянии, того, что не связано непосредственно с событиями или нуждами человека» (Лихачев 1985, 29).

Тем не менее, слабо выраженный психологизм компенсируется обилием приводимых фактов, статистических данных и т.п. Бегство, описанное в рассказе, предстает как опасный и волевой процесс, в котором большую роль играет и предприимчивость отважившихся на побег, и случай, и счастливое стечение обстоятельств.

В самом начале повествования рассказчик очерчивает общие временные рамки, имеющие отношение к описываемому событию – первой мировой войне (1914–1918-е годы). Фабульное же время в произведении длится от 7 ноября 1914 года до 16 апреля 1917 года, которое вырисовывается благодаря детальному хронологизированию событий героем-рассказчиком. Подробная фиксация дат, названий городов, деревень придает повествованию документальный характер и невольно наталкивает на мысль

о дневниковой основе произведения: «Огпол, 1914 арын ноябрь толэзълэн сизыметй нуналаз, Лодзь город дорын жугиськон дыръя мон но суроно луи» («Однажды, в 1914 году седьмого ноября, когда шли бои около города Лодзь, и я тоже оказался (в плену – С.А.)» (Денисов 2008, 6); «Декабрь толэзълэн 25-тй нуналаз милемыз суй баракысь пу бараке пыртйзы...» («25 ноября нас из земляного барака перевели в деревянный барак...») (Денисов 2008, 7); «Толэзь улэм бере, март толэзълэн 22-тй числяз, паракодэ пуксыса, Норвегия шуон асьмелы матын музьеме кошким» («Через месяц, 22 марта, сев на пароход, отправились на территорию Норвегии, которая близка к нам») (Денисов 2008, 14). В иных случаях события прошлого, длившиеся почти 3 года, воспроизведены буквально по часам: «Одйг жыт январьлэн 30-тй нуналаз, куать но жыны часын, ужмес быдтэм берамы, кузё монэ бараке вайыкуз, мон сяна, нош ньыль-вить мурт бертйллям вылэм ини» («Однажды вечером 30 января, в половине шестого, когда после окончания работы мой хозяин привел меня в барак, там уже было четыре-пять человек») (Денисов 2008, 10).

Автор-рассказчик постоянно детализирует топографию своей эпопеи-«одиссеи»: города Лодзь и Гамельн, лагерь Хербергчушлаг, деревни Леге и Дорцен в провинции Ганновер, город Роттердам в Голландии, город Берген в Норвегии и др.

Следует заметить, что почти с самого начала повествования герой-рассказчик освещает не столько личные, сколько общие для всех военнопленных тяготы плена и детали побега, ибо их судьба становится неразделима. И хотя в произведении идет повествование от 1 лица, доминирует не индивидуальное, а коллективное сознание. Даже если выделяется «я», то граница между «я» и «мы» формальная, «я» – часть «мы». Поэтому, несмотря на то, что в названии рассказа «Мынам пленысь пегъеме» («Как я бежал из плена») четко выделяется «я», в тексте оно растворено в «мы». Буквально в единичных случаях повествующий субъект позиционирует себя как «я»: «мон но суроно луи» («и я был вынужден попасть») (Денисов 2008, 6); «мон но одйг гуртэ ужаны сюри» («и меня взяли на работу в одну деревню») (Денисов 2008, 8); «Мон Тойкер нимо немыч дорын ужай» («Я работал у немца по имени Тойкер») (Денисов 2008, 8); «Мон верай ини, немычлэн ужез туж уно, сиёнэз гинэ туж ёжыт шуыса» («Я уже говорил, у немца работы очень много, еды только очень мало») (Денисов 2008, 8–9).

В основной части повествования автор концентрирует внимание на группе людей, объединенных идеей побега из неволи и реализующих ее. При этом конкретизируется имя лишь одного человека, наиболее близкого друга героя-рассказчика – Ильи. Ни одного другого имени в рассказе не указано (кроме случайно-эпизодического Тойкер), что также свидетельствует о воплощении в произведении коллективного сознания, когда господствует собирательное, нерасчлененное «мы» или неопределенно-личная форма («один из нас»).

Что касается перипетий побега узников, А.Г. Шкляев образно обыгрывает такую деталь как бегство через уборную барака: «Европа

шудтэме шедем солдатэз нбылэ но аслаз жуш-сюльёсыз пыр поттэ кадь» («Европа проглатывает несчастного солдата и как бы выпускает его через свои кишки») (Шкляев 2000, 13). Из текста становится известно, что пленники вначале хотели убежать втроем, потом желающих набралось четырнадцать человек, потом осталось двое. Наконец убегают впятером, затем их догоняет шестой человек, Илья. Возникает предположение о том, что, рисуя «преследователя», автор попытался создать определенную интригу, передать страх и напряжение людей, которые, только-только оказавшись за пределами лагеря, вдруг обнаруживают настигающего их человека: «Соку ми туж зол бызыны кутскимы, со милесьтым но кужмо бызе; ми солэсь пегзиськомы, со милемыз сутыны тырше. Ми чылкак жадимы ини, со весь матэ но матэ вуэ. Ми сое, часовой кожаса, тани ыбоз, тани ыбоз шуыса, нош бызиськомы» («Тогда мы начали очень быстро бежать, он бежит еще быстрее нас; мы от него убегаем, он старается нас догнать. Мы уже выбились из сил, он все ближе и ближе к нам. Думая, что он часовой и вот-вот выстрелит, снова бежим») (Денисов 2008, 11). Иначе трудно объяснить, почему верный единомышленник рассказчика, Илья, с которым постоянно обдумывались и обговаривались детали побега, не ушел вместе со всеми.

Бывшие заключенные, вырвавшись на свободу, сначала предусмотрительно бегут в противоположную сторону от предусмотренного маршрута, затем пересекают канал, потом – большую реку Эмс и еще один пограничный канал. Так они преодолевают несколько препятствий.

Психологическое состояние страха, переживаемой опасности заставляет героев принять за человека то столб, то ветряную мельницу. Их реакция чаще рисуется через описание действия: «Одйг пол нош азысьтымы адыми кадь ик макеез адзймы: весь бызыса, киосэ мыд-мыд пала карыса, ми шоры лыктэ кадь ик. Ми соку ик музьем вылэ выдймы» («А один раз увидели перед собой что-то похожее на человека: как будто бегом, раскинув руки, идет в нашу сторону. Мы тотчас легли на землю») (Денисов 2008, 12). Реже изображается состояние страха: «Бырим ини татчы шуыса ум но шокаське ини. <...> Чылкак тодэм бере сюлэм сыл кошкиз» («Уже и дышать не смеем: мол, пропали здесь. <...> Только когда разобрались, в чем дело, сердце отпустило») (Денисов 2008, 11).

Военнопленные солдаты, прежде чем оказаться дома, пересекают такие страны, как Германия, Голландия, Англия, Норвегия, Швеция, Финляндия. Наконец они достигают Петрограда. Герой-рассказчик представляется читателю только в конце повествования: «Мон ачим Комак гуртысь, Поршур волостьысь, Алабго уездысь» («Я сам из деревни Хомяково, Поршурской волости, Елабужского уезда») (Денисов 2008, 14). И далее представляет своих товарищей: «Кык эшмы Перм губерняысь, одйгез Сибырысь, одйгез Смоленск губерняысь, одйгез монэным ог губерняысь, Сарапул уездысь вал» («Двое наших друзей из Пермской губернии, один из Сибири, один из Смоленской губернии, один был из той же губернии, что и я, из Сарапульского уезда») (Денисов 2008, 14).

Заметим, в повествованиях сказового типа самопредставление идет, как правило, в самом начале, здесь – в конце, что, наряду с другими факторами, к примеру, отсутствием обращенности к слушателю, нейтральностью речи, исключает сказовый характер наррации. В самой последней строке осуществляется национальная самоидентификация героя: «Мон сяна, ваньмыз зучъёс вал, мон гинэ удмурт вал» («Кроме меня, все были русскими, только я был удмуртом») (Денисов 2008, 14).

Характерно, что национальная выделенность героя реализуется только после того, как он оказывается на родине. Это касается и языка. Герой-рассказчик среди других военнопленных явно пользовался русским языком, был вынужден в определенной мере освоить и понимать немецкий язык. Но сразу после возвращения на родину актуализирует свой родной язык, в том числе прибегнув к литературному опыту. Это тоже вариант «возвращения» к самому себе.

В целом, «Мынам пленись пегъеме» – это интереснейший человеческий документ, который, с одной стороны, свидетельствует о начальных шагах формирования художественности в удмуртской литературе, с другой стороны, знаменует силу духа людей, которые, переживая в себе вечный зов родины, преодолев голод, опасности, смогли вернуться домой.

Литература

- Бабкина, Н. А. 2008: Проблема возвращения в художественном мире Платонова. – Е. И. Колесникова (ред.), *Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы*. Кн. 4. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). СПб.: Наука. 234–240.
- Денисов, А. 2008: Мынам пленись пегъеме. – «Кылёз лёгем но пытьмы...»: *Удмурт литература хрестоматия-практикум (1918–1935-ти аръёс)*. Люказы, радъязы но валэктонъёс сётйзы С. Т. Арекеева, Г. А. Глухова. Ижевск: Удмуртия. 6–14.
- Лихачев, Д. С. 1985: «Слово по полку Игореве» и культура его времени: *Монография*. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит.
- Шкляев, А. Г. 2000: *Вапумысь вапуме: Критика: статьяос, обзоръёс, диалогъёс, очеркъёс, портретъёс, рецензиос, тодэ ваёнъёс*. Ижевск: Удмуртия.